

Об этой яркой жизни написано немало: живых страниц, полуправдивых-полумистических межуаров. Еще больше предстоит написать, ибо талант великого Нуриева, превратившегося из безвестного провинциального пареня в «сверхновую» балетного искусства, достоин и серьезных монографий, и даже беллетристики. Найдутся и такие, которые «во имя святой правды» (ах, как соблазнительно порой расцветить собственную серость пикантными слухами и сплетнями!) напишут «все» о жизни Нуриева, не вынося разве что морального приговора титану искусства. Такие «писатели» тем самым приговаривают лишь себя — историческая память очищается от их имен. Но остается та самая легендарная правда, которая окружала искусство Танцовщика с большой буквы и тот незабываемый прыжок в бессмертие, который он совершил дважды: в 1961-м и в 1993-м.

В НОЯБРЕ прошлого года знаменитый французский балетмейстер Ролан Пети позвонил Рудольфу Нуриеву.

— Ты собираешься пригласить меня дирижировать оркестром? — спросил Нуриев настойчивым, почти умоляющим голосом: он жить не мог без публики и сцены.

Но Ролан Пети вместе со знакомой решил всего-навсего позвать Нуриева пообедать в ресторане «У Вольтера» — неподалеку от того места, где жил великий танцовщик. В то время он уже не мог перемещаться по лестницам без посторонней помощи. Пети пришлось соврать Нуриеву в ответ на его вопрос, сказав:

— В Марселе скоро пойдет «Коппелия». У тебя не будет времени хорошо отрепетировать... Нуриев ответил:

— В таком случае мы должны немедленно ехать в Палермо.

Мыслил ли он ясно в этот момент? Или все это было игрой, желанием обвести судьбу вокруг пальца?

Человек, пламенный борец за жизнь, оказался в один миг поверженным на землю.

— Раньше, — вспоминает Пети, — он мне с гордостью говорил: «Ежегодно я даю двести пятьдесят представлений». Я ему со смехом отвечал, что хвастать-то нечем. Однако Рудольф был единственным на моей памяти танцовщиком, который, сойдя с трапа самолета где-то на краю света в Сиднее, через несколько часов вышел на сцену и танцевал без малейших признаков усталости. Дело еще и в том, что он всегда боялся летать на самолете, поэтому во время полета написался...

О нем говорили, что он жадный и капризный. Конечно, он покупал дома повсюду — в Париже, Лондоне, Монте-Карло, на Антильских островах и забивал их дорогими предметами искусства. Иногда объяснял, что в детстве был лишен всего этого.

— А еще он ужасно боялся, — говорит Пети, — что русские могут прийти однажды и забрать у него все, чем он владел...

— В начале его карьеры, — вспоминает Ролан Пети, — я говорил ему: «Ты фотогеничен, как Мэрилин Монро». Это его смешило, хотя от голливудской «звездности» в нем действительно что-то было. Марго Фонтен никогда не ошибалась в людях. Думаю, она бы давно бросила танцевать, если бы ей не встретился Рудольф. Когда мы работали вместе, она предупреждала: «Если уступите ему, при-

ПРЕМЬЕРА СОСТОИТСЯ И В

дется махнуть рукой на ваш балет». Как-то я разучивал с ним новое па, и он сказал капризно: «Я не буду этого делать!» Я держался молодцом. Сначала Рудольф пытался спорить, а потом, смеясь, уступил. Марго Фонтен питала к нему целый букет чувств: материнских и любовных. «Думаю, это единственная женщина, на которую я мог бы рассчитывать в своей жизни, — сказал он мне. — Я должен был построить свою жизнь вместе с ней».

РУДОЛЬФ Нуриев мог бы навсегда остаться в стране, которая дала ему убежище, в доказательство своей признательности говоря всю оставшуюся жизнь по-английски. Но на это мог рассчитывать лишь человек, плохо знавший «звезду». Непредсказуемый, неуловимый, многоликий и в этом отношении похожий на Нижинского, Лифаря, Балanchina, Нуриев как никто являлся ярким воплощением мятежности и покорности рожденной в глубинах России души — тех качеств, которые раскрывала резонерствующим умам старой Европы великая русская литература. Навысший миг жизни этого мятежника — октябрь ушедшего года, когда он появился во фраке на сцене Парижской Оперы. На Рождество поползли слухи, что он воскреснет. И — внезапно, потрясшая всех смерть...

Именно тогда, в мае 1961-го, с ним случился «солнечный удар»: во время гастролей Кировского в Париже он чуть вкусил сладостей свободного мира. Уже через неделю после начала этих незабываемых гастролей у парижской публи-

ки открылись глаза. Исполняя сольные вариации, он выделял фигуры высшего пилотажа. Специалистами было общепризнано: двойной поворот во время большого прыжка — уникальный элемент, который никем никогда не исполнялся. Когда публика увидела это, по залу, казалось, прокатился электрический разряд высокого напряжения. Аплодисменты обрушились со всех ярусов.

До 15 июня, когда Кировский давал последнее представление во Дворце спорта в Париже, Нуриева больше не выпускали на сольные выступления. После спектаклей русские танцовщики очень благообразно возвращались в свой отель на площади Республики. А Зигфрид из «Лебединого» (он же — Альберт из «Жизели») проходил сквозь непроницаемую стену сыска и в компании с Кларой Сент, Пьером Берже, Марио Буа и его женой-«звездой» Клар Мот, Пьером Лакотом, Жан-Пьером Бонфу — оба из «Гранд-Опера» — окунался в гущу ночных прелестей Сен-Жермен-де-Пре. Непростительный риск. «С того момента», — пишет журналист Оливье Мерлен, входивший в ту компанию, — смерть маленького рыцаря балета — если не физическая, то творческая — была в Москве предreshена».

АЭРОПОРТ Бурже. Пятница, 16 июня. Полдень. Через два часа труппа Кировского театра должна была сесть на борт самолета, направлявшегося в Лондон. Без Нуриева. В баре аэропорта в толпе безразличных ко всему пассажиров, ожидавших свой рейс, Нуриева было узнать невозможно:

мертвенно бледное, до неузнаваемости изменившееся лицо, бедный, потертый плащ. Тем более трудно было обратить внимание на двух «пасущихся» неподалеку от него уральцев в московском стиле «медведь рюс». Но произошло маленькое чудо. «Туполев», который должен был вернуть его на «долгожданную» родину, оказался неисправным. Кто хоть раз переживал глубоко драматические моменты на грани жизни и смерти, тот может представить, как опьяняет мгновение опасности, как в доли секунд поставляет она из неизведанных запасников организма заряд энергии, который помогает человеку совершить огромный, сверхчеловеческий прыжок — физический или психологический.

Маленькой «чилишкой», которая подошла к нему под предлогом того, чтобы попрощаться со знаменитостью, он сказал:

— Я не чувствую ног под собой...

«Чилишкой» была Клара Сент, которая пыталась вполголоса убедить его, что надо срывать с места и бежать к выходу. Там, во дворе аэропорта, стоял наготове «Нортон» Оливье Мерлена — автомобиль «чистых кровей», настолько быстрый, что сесть за его руль можно было, только крепко привязавшись: в противном случае водитель рисковал при старте просто упустить машину. Но Клара Сент предусмотрела и иной выход на случай нерешительности Нуриева. Она заранее предупредила обо всем двух инспекторов из Комиссариата по особым делам. Инстинкт самосохранения сработал! Нуриев бросился в ру-

ки полицейских с криком: «Я хочу быть свободным!» на английском языке. Два шпиона, «пришедшие с холода», явно пытались помешать ему, но запутались в толпе советских граждан, которые организованно паслись в одном месте. У каждого из членов труппы Кировского на груди сверкала симпатичная табличка с указанием фамилии ее владельца, что ограничивало возможности передвижения и позволяло вовремя поставить на место «заблудшую овечку», решившую вкусить чуть больше, чем положено, сладостей западного мира. У Нуриева такой таблички не было.

Прыжок через запретную линию, который сегодня, когда «железный занавес» превратился в «ситечко для чая», не имел бы никакого резонанса, для тех времен был подвигом, давшим Нуриеву шанс на второе дыхание.

И ОНО открылось. Не стоит, может быть, в подробностях описывать ключевые моменты возвышения русского беглеца. Фурор «Спящей красавицы» в Театре на Елисейских полях. Его первые сольные выступления в Лондоне. «Внедрение» в «Ковент-Гарден», где он сразу попал под благосклонное покровительство Марго Фонтен, став ее партнером. Менее чем за два года он добился всеобщего признания. Очень скоро его имя начали рекламировать повсюду, он стал желанным гостем во многих компаниях, всюду разъезжал по границам, несмотря на свою трагическую боязнь полетов на авиалайнерах. Но летал, и высту-

СЛУЧАЕ СМЕРТИ

благодаря солнечному здорью и магнетизму, который передавал публике его страсть к вечной жизни, сознание неразделимости любви и смерти, радости и горя. Ему везло. Он срывал баснословные гонорары. Приобрел дом в лондонском районе Кью-Гарден, виллу в Тюрби, но надолго нигде не задерживался. В Лондоне многие вспоминают вечера балетов с его участием в «Ковент-Гарден», в «Колизее». Спектакли заканчивались доволно рано, но далеко за полночь продолжались групповые посиделки в ресторанах на Чаринг-кросс роуд или в районе Кенсингтон-гарденс.

Марго Фонтен. «Звезда» британского истеблишмента, она как-то ненавязчиво присутствовала на этих вечеринках, исчезала незаметно и очень рано, оставляя загадочное ощущение недосказанности в виде запаха дорогих духов.

Говорили, что глаза ее были грустные и доверчивые, как у лани. Маленькие, точеные ножки. Она казалась трогательной и возвышенной, но вне сцены жизнь поворачивала ее к друзьям и близким несколько иными гранями, высвечивая болезненную уязвимость великой танцовщицы. Двадцать лет доволно скромного образа жизни, разборчивости и воздержания отделяли ее от того, кто составил ей пару в танце и кто, надо признать, к роскоши был неравнодушен. Нуриев стал любовью ее жизни. Первой? Последней? «Руди» же любил всегда, везде, и это всеобщее поклонение не могло не изменить его характер и поведение...

Близкие вспоминают последнее признание Нуриева в его квартире на набережной Вольтера — откровение, вырвавшееся из тайников его души. «Я должен был на ней жениться», — хрипло прошептал он, потрясенный известием о смерти Марго.

Среди временных пристанищ «великого бродяги» особое место занимал Нью-Йорк. Там он останавливался в квартире, выходящей окнами на Централ-Парк. На многочисленных вечеринках его с распростертыми объятиями встречали сильные мира сего. Он запросто танцевал буги-вуги с Жаклин Кеннеди, с удовольствием отзывалась на его приглашение Лиз Тейлор. Враждовать в этих кругах ему нравилось.

Все эти забавы происходили, как свидетельствует французский журналист Оливье Мерлен, близко знакомый с Балanchin, не без иронических замечаний со стороны последнего. Джордж Баланчин в те времена как раз обосновался со своим «Нью-Йорк сити балле» в Линкольн-центре. Мерлен работал тогда спескором в Нью-Йорке и как-то при очередной встрече с Балanchin не мог не спровоцировать его на разговор о Нуриеве, сравнив последнего с Нижинским. Баланчин отвечал по-французски, мягким, приятным тоном. Но какое глубокое неприятие феномена «звездного истеблишмента» стояло за его фразами!

— У Нуриева потрясающие качества, — говорил Баланчин. — Но он всегда одинаковый, потому что создает свои роли в одиночку. Дягилев опасался такого подхода к бале-

ту. А вот Нижинский никогда не был похож сам на себя: четыре балета — четыре совершенно разных образа. Однако Нуриев очень умен, а Нижинский был идиотом.

И ОПЯТЬ Париж. Прыжок во времени — в 1983 год. Нуриев заключил мир с «Гранд-Оперой», которая в свое время под давлением советского посла Виноградова и прокоммунистически настроенного Мальро захлопнула перед ним дверь.

Шесть лет, которые Нуриев собирался провести на подмостках «Гранд-Опера», были годами зрительского притяия и каторжного труда. И в первую очередь для труппы, которая росла в тисках железной дисциплины, проходя некий языческий обет послушания. Капитан, стойко держась на своем мостике, с помощью магнетических сил выманивал откуда-то из-за кулис молодых танцовщиков, которых превращал в солистов. Но, становясь титулованными «звездами», они покидали «Опера»: Сильви Гилем уходит в «Ковент-Гарден», Патрик Дюпон — в «Нанси». Вчерашнего активного солиста все еще сладостно-мучительно тянет к себе сцена. Он еще танцует, он всегда танцует, он возобновляет старые балеты, которые переделывает на свой манер. Волшебный мир наизобретения!

Но будни — это не только репетиции. Иная их сторона раскрывалась лишь перед друзьями и близкими. Нуриев — музыкант с непогрешимым слухом, который мог часами не отрываться от клавиша. Нуриев — эрудит с неустанно-

мися вкусами, жадный до великих произведений искусства. Нуриев — дилетант-коллекционер, неудержимо заваливающий свою квартиру на берегу одного из каналов Сены картинами, гобеленами, драгоценными безделушками, что придает его жилищу сходство с венецианским музеем-дворцом. Вся эклектичность его вкусов, генетически заложенная где-то в уральских далах, ярко проявилась именно тогда, когда он решил остаться наедине с самим собой...

ОЛИВЬЕ Мерлен одним из последних, кто сумел переговорить с умирающим Нуриевым. Каким-то чудом он достал телефон палаты уединенной клиники, в которой лечили великого танцовщика. Тогда еще немногим была известна жуткая правда о состоянии его здоровья.

— Что за история с этой клиникой? Как ты себя чувствуешь?

— Вечно живой... Я выкарабкиваюсь... Мне лучше...

— У тебя голос здорового человека. Может быть, хочешь, чтобы мы увиделись?

— Приходи лучше на репетиции в «Опера». Там и увидимся. Меня привезут туда в инвалидной коляске (Нуриев героически смеется). Так что пока, до премьеры. Она обязательно состоится.

Он появился на сцене вместе с учениками и друзьями, помогавшими ему передвигаться и не скрывавшими своего потрясения состоянием великого учителя. Сцена принимала коленочное тело прекрасного человека, который всего-то тридцать лет назад летал над ней в ураганном каскаде прыжков...

По материалам французской прессы подготовил С. ТОЛКАЧЕВ. Фото из журнала «Пари-матч».